

ВВЕДЕНІЕ.

Немного осталось между нами людей, которые въ юности зачитывались балладами Жуковскаго, трепетно заглядывали въ неприступную темноту лѣса, съ кивающими сквозь черныя вѣтки призраками (Ундина), а нѣсколько позже мечтали о таинственномъ „Цвѣтѣ завѣта“, въ листкахъ котораго „милое цвѣтеть воспоминанье“. „Овсяный кисель“ не интересовалъ, слишкомъ торжественнымъ казался паеосъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, манило чудесное, фантастическое, міръ воспоминаній и чаяній, въ лунномъ сіяніи котораго настоящее почти исчезало. Все это поднимало юное чувство, настраивая его страстно, дѣвственно и недѣятельно — и все это входило когда-то въ понятіе *романтизма*.

Понятіе неопредѣленное для сверстниковъ Жуковскаго и ближайшаго къ нему литературнаго поколѣнія; въ немъ было болѣе инстинкта, чѣмъ сознанія; въ опредѣленіи не условились и теперь еще ¹⁾, тѣмъ болѣе въ ту пору, когда наша критика руководилась готовыми формулами романтизма (Сталь, Шлегель) и мѣрила ими нашу поэзію, самостоятельно и не по теоріи воспринимавшую новыя теченія западной. Оттуда неизбѣжныя недомолвки и недоумѣнія. „Не знаешь-ли ты на нѣмецкомъ языкѣ разсужденій о романтическомъ родѣ?, писалъ князь Вяземскій романтику-Жуковскому 23 декабря 1824 г. Спроси у Блудова, нѣтъ-ли также на англійскомъ, мнѣ хочется написать объ этомъ и прочесть все сказанное. Романтизмъ, какъ

1) Сл. хотя бы Brunetière, Études critiques III, 300.

домовой: многіе вѣрятъ ему; убѣжденіе есть, что онъ существуетъ, но гдѣ его примѣты, какъ обозначить его, какъ на- ткнуть на него палець?“ Пушкина уже успѣли приписать къ романтикамъ, а въ 1825 году (25 мая) онъ пишетъ кн. Вязем- скому: „Я замѣтилъ, что всѣ (даже ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надо будетъ на до- сугѣ поговорить“.

Разумѣется, романтики — новаторы, не уважающіе славнаго преданія, отрицающіе правила искусства, ищущіе угодить толпѣ выборомъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣ- роятныхъ, пишущіе „на новый ладъ“ (Мерзляковъ, Катенинъ). Въ этомъ смыслѣ „аѳинскій романтикъ“ Еврипидъ такой-же „литературный раскольникъ“, какъ современные романтики ¹⁾. Съ формальной точки зрѣнія протестъ противъ новаго лите- ратурнаго направленія продолжалъ борьбу пишковистовъ съ карамзинистами, но онъ требовалъ и новой теоретической под- кладки: что такое романтизмъ?

Всего менѣе разумѣли подъ этимъ словомъ ту нѣмецкую литературную школу, которая, сплотившись на границѣ двухъ стол- лѣтій, успѣшила оправдать себя теоріей и назвала себя ро- мантической. Для Жуковского, романтика и германофила, она-то по преимуществу и должна идти въ счетъ; французская рома- нтическая школа его не коснулась. Именно, понятія теоріи, школы надо держаться, чтобы найтись методически и истори- чески въ значеніяхъ, безразлично соединяемыхъ со словомъ романтизмъ. Англичане напр. говорятъ о своемъ романтизмѣ XVIII вѣка съ Греемъ, Томсономъ, Юнгомъ, балладами Перси и робкимъ обновленіемъ Шекспира. Такимъ образомъ можно дойти и до Руссо, у насъ не только до Карамзина и Озерова (кн. Вяземскій), но и до Державина-романтика (Марлинскій); орудую терминонь романтизма на столь широкихъ простран- ствахъ, мы никогда не уловимъ частныхъ эволюціи, изученіе которой требуетъ менѣе растяжимыхъ формулъ.

Такое растяженіе понятія наблюдается въ нашей критикѣ 20—30-хъ годовъ, распространившей обозначеніе романтизма на предшествовавшую ему эпоху, охватывая не только Гѣте и

1) Сл. Катенинъ, Размышленія и разборы, статья 2-я, Литературная газета 1830 г., т. I, № 11, стр. 87. Къ романтикамъ причисленъ и Giralddi Cintio!

Шиллера, но и литературу Sturm-und Drang'-а и опредѣлившія ее англійскія вліянія. Смѣшеніе понятное именно у насъ: отъ періода „бури и натиска“ до романтиковъ развитіе пошло такъ быстро, что мы не успѣвали разобраться въ его послѣдовательности и принимали оптомъ нагрязнувшія литературныя откровенія, обѣщавшія освободить насъ отъ торжественнаго и галантнаго псевдоклассицизма.

Было и еще опредѣленіе романтизма, выставленное нѣмецкими романтиками: романтическими назывались самобытныя теченія христіанской литературы отъ трубадуровъ и Данте до Шекспира, Сервантеса и далѣе — въ противоположность къ классицизму и его позднѣйшимъ переживаніямъ. Новѣйшій романтизмъ представлялся возрожденіемъ средневѣковаго, феодально- и народно-христіанскаго (Шлегель, Сталь, Гейне). — Либо дѣлили Европу на классическую и романтическую по народностямъ латинскаго и германскаго происхожденія: мнѣніе, противъ котораго возставалъ Пушкинъ ¹⁾.

Въ какомъ изъ этихъ значеній называли и еще называютъ Жуковскаго романтикомъ? Самъ онъ говорилъ о себѣ, какъ о родителѣ „на Руси нѣмецкаго романтизма“ и поэтическомъ дядкѣ „чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“. Но чертовщина, привидѣнія и сказочные страхи вовсе не показаніе исключительно романтизма: ихъ воздѣлывала съ лихвой банальная литература волшебныхъ, разбойничьихъ и т. д. романовъ, вродѣ произведеній Шписа, у котораго Жуковский взялъ сюжетъ своихъ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. Бюргеръ не романтикъ въ смыслѣ школы, и если Жуковскаго прозвали „балладникомъ“, то князь Вяземскій не былъ въ правѣ назвать его „свободнымъ рыцаремъ романтизма“, когда побуждалъ его вернуться къ балладамъ. Баллады писалъ у насъ до Жуковскаго сентименталистъ Каменевъ, котораго Пушкинъ поставилъ въ предверіи нашего романтизма: „Онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“ ²⁾.

Особое значеніе давали мечтательности Жуковскаго, его

1) Замѣтки при чтеніи книгъ 1825 г., по поводу Московскаго Телеграфъа.

2) Сл. Прибавленіе къ Казанскимъ губ. Вѣдомостямъ № 2, 10 Генваря 1844 г.: Александра Фуксъ, А. С. Пушкинъ въ Казани.

любви къ таинственности, къ витанію въ области чудеснаго и мистическаго; онъ

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертей,
 Могиль и рая вѣрный житель.

(Русланъ и Людмила п. 4).

Въ этомъ смыслѣ, говорилъ онъ о себѣ въ старости, самъ онъ былъ когда-то таинственно-заносчивымъ романтикомъ. Нападая на самозванныхъ романтиковъ, „Благонамѣренный“ не находилъ въ нихъ „ни глубокихъ чувствъ, ни прелестей мечтательности, составляющей сущность поэзіи романтической“. И для Полеваго мечтательность — основная черта Жуковскаго-романтика. „Что за чертовски небесная душа? писалъ о Жуковскомъ Пушкинъ: онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и челоуѣкомъ, да какимъ еще!“ (Л. С. Пушкину 1825 г. нач. апрѣля).

Романтики унаслѣдовали изъ періода „бури и натиска“ преклоненіе передъ Шекспиромъ, увлеченіе народной поэзіей и народной стариной. Въ началѣ 20-хъ годовъ Жуковскій смотрѣлъ на Гамлета нѣсколько по-вольтеровски, а русская народная жизнь осталась въ его поэзіи почти нетронутой. Именно Шекспира, „народные законы“ его драмы имѣлъ ввиду Пушкинъ, когда выражалъ опасеніе за успѣхъ Бориса Годунова, „потому что робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма“¹⁾. Онъ-же подчеркнул идею народности, отдавая, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, предпочтеніе Катенинской „Ольгѣ“ передъ „невѣрнымъ“, но прелестнымъ подражаніемъ Жуковскаго Бюргеровой Ленорѣ (Людмила), ослабившимъ духъ и формы образца. Катенина-классика онъ считалъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, введшимъ въ возвышенную поэзію „языкъ и преданія простонародные“²⁾.

Народность, простонародность, народная поэзія, народная литература — и романтизмъ: вотъ задачи, на которыхъ оста-

1) Сл. письмо къ князю Вяземскому 1825 г., осенью, и къ Бестужеву 1825, 30 ноября.

2) Сл. О сочиненіяхъ Катенина 1833 г.; отзывъ Грибоѣдова въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. XXXI, № 30, стр. 150—160.

новиласть критика, разбираясь въ нашихъ романтическихъ начинаніяхъ. Необходимо познакомиться съ нѣкоторыми изъ высказанныхъ по этому поводу взглядовъ; изъ нихъ выяснится, хотя и нѣсколько одностороннее, пониманіе и значеніе Жуковскаго-романтика.

Книжка Ореста Сомова „О романтической поэзіи“ (СПБ. 1823 г.) представляетъ образецъ критической сумятицы въ вопросѣ о томъ, что разумѣть подъ романтизмомъ. Прежде всего онъ отвѣтилъ требованіямъ нашего своенравнаго воображенія, наскучившаго однообразіемъ и захотѣвшаго „новаго, небывалаго“ (стр. 2). Условившись съ читателемъ, что онъ будетъ называть романтической „новѣйшую поэзію, не основанную на миѳологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ“ (стр. 23), авторъ даетъ намъ ея исторію: отъ арабовъ (трубадуры опущены, ихъ поэзія—„поэзія ума, а не сердца и воображенія“, стр. 9) до итальянцевъ (Данте, Аріосто, Тассо), творенія которыхъ „представляютъ почти непрерывную борьбу вкуса романтическаго съ классическимъ“ (стр. 24). Испанцамъ принадлежитъ внесеніе „романтизма въ драму“ (Лопе де Вега, Кальдеронъ, стр. 25—6); представителями Франціи являются Корнелевскій Сидъ (стр. 11), Иснель и Аслега Парни, Шатобрианъ и Лемерсье (стр. 15); англійскій романтизмъ перекидывается отъ Спенсера, Шекспира (который отличается въ излишнемъ паренѣи и даже надутости), Мильтона, къ Байрону, Муру, Вальтеру Скотту, Саутею и Кольриджу (стр. 26 слѣд.). Германія характеризуется по книгѣ M-me de Staël — отъ Клопштока до Гёте и Шиллера; названы еще Матисонъ, Бюргеръ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ. „Словесность народа есть говорящая картина его нравовъ и обычаевъ и образа жизни“, отраженіе его народности; сочиненіе нѣмца, англичанина или французга отгадаешь даже въ переводѣ (стр. 80). Часто слышатся сужденія, что въ Россіи не можетъ быть поэзіи народной, потому что мы стали писать слишкомъ поздно, когда всѣ удѣлы Парнасса были уже заняты, что наша природа не въ состояніи оживить поэтовъ, что вѣкъ рыцарства для насъ не существовалъ и преданій мало, да и тѣ не поэтическія (стр. 83—4). Все это у насъ есть: свои народные обычаи, красоты природы и народной пѣсни, сюжеты нашей исторіи, раскрытые „славнымъ исторіографомъ“. Былъ и своего рода рыцарскій періодъ: „дѣлъ богатырей была та-же, какъ и рыца-

рей: защищать невинность и карать злых притѣснителей, хотя неизвѣстно, чтобы богатыри русскіе составляли особый орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы“ (стр. 92—3). На это возражать: все это богатство пособій еще не составляетъ поэзіи народной; но дѣло поэта собрать „въ одно разбросанныя черты и создать прекрасное цѣлое“, „влиять огонь и чувство въ предметы неодушевленные, сообщить занимательность тѣмъ изъ нихъ, кои дотолѣ не привлекали нашего вниманія“ (стр. 94). Поэзія не сдѣлается народной, если мы будемъ отдаляться „отъ нравовъ, понятій и образа мыслей нашихъ единосемцевъ“ (стр. 99). Могутъ-ли зарониться въ память русскаго народа „нѣмцеобразныя рапсодіи“ нынѣшнихъ поэтовъ? (ib.). Мы сбросили узы классицизма, чтобы наложить на себя новыя. „Что же можетъ быть ограниченнѣе, однообразнѣе тѣхъ стиховъ, которыми ежедневно наводняется словесность наша? Всѣ роды стихотворства теперь слились почти въ одинъ элегическій: вездѣ унылыя мечты, желаніе неизвѣстнаго, утомленіе жизнью, тоска по чемъ-то лучшемъ, — выраженные непонятно и наполнены безъ разбору словами, схваченными у того или другого изъ любимыхъ поэтовъ.... То, что намъ нравилось, что восхищало въ одномъ поэтѣ (Жуковскомъ), становится приторно и наскучиваетъ намъ, встрѣчаясь слишкомъ часто у многихъ“ (стр. 100—1). „Необходимо имѣть свою народную поэзію, не подражательную и независимую отъ преданій чуждыхъ. Герои русскіе утвердили славу отчизны на поляхъ брани, мужи твердаго духа ознаменовали лѣтописи доблестями гражданскими. Пусть же пѣвцы русскіе станутъ на чередѣ великихъ пѣвцовъ древности и временъ позднѣйшихъ!.... Пусть въ ихъ пѣсняхъ высокихъ отсвѣчиваются, какъ въ чистомъ потокѣ, *духъ народа* и свойства языка богатаго и великолѣпнаго“ (стр. 102).

Когда въ 1822 году князь Вяземскій говорилъ, по поводу Кавказскаго плѣнника, объ успѣхахъ „посреди насъ поэзіи романтической“, онъ не уяснилъ себѣ ея понятія, но призналъ ее, какъ законное новшество: о ней ничего не пишетъ Аристотель съ преемниками, но литература отвѣчаетъ закону историческихъ измѣненій, а теперь настала эпоха „преобразованія“, когда геній, слѣдуя „вдохновеніямъ смѣлой независимости“, начинаетъ сбивать съ мѣста старыя Геркулесовы столпы. Это можетъ обижать народную гордость у французовъ: у нихъ есть

за что постоять, и они ополчаются противъ новыхъ теченій „на защиту славы, утвержденной отечественными писателями“. У насъ такой протестъ непонятенъ: „имѣемъ ли мы литературу народную, уже пустившую глубокіе корни и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сихъ поръ малое число хорошихъ писателей успѣли только дать нѣкоторый образъ нашему языку, но образъ литературы нашей еще не означился, не прорѣзался. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но нѣтъ словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго“ 1).

Два года спустя кн. Вяземскій вернулся къ тому-же вопросу въ извѣстномъ предисловіи къ „Бахчисарайскому фонтану“. Оказывается, что романтическая поэзія намъ не менѣе сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую считаютъ классической. Та и другая у насъ пришлыя, если романтизмъ обвиняютъ въ германизаціи нашего языка, то и въ Петриадѣ и Россіадѣ нѣтъ ничего народнаго, кромѣ именъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ, можетъ быть, и имѣть не будемъ, потому что его нѣтъ. Этого требованія народности въ литературѣ нѣтъ въ піитикахъ Аристотеля и Горація; она не въ правилахъ, а въ чувствахъ: „отгѣнокъ народности, мѣстности—вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное, существеннѣйшее достоинство древнихъ“. Въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Горацій, Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами романтической школы, чѣмъ со своими послѣдователями, которые силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ. Впрочемъ, опредѣленія „романтическаго рода“ никто еще не давалъ; на этотъ счетъ „еще не было времени условиться“; дайте срокъ, и анатомики явятся: Байронъ, Томасъ Муръ попадутся подъ рѣзецъ испытателей, какъ теперь Анакреонъ и Овидій, „и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи потускнѣютъ отъ кабинетной пыли и закоптыятся отъ лампаднаго чада комментаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ, прибавимъ,— если только въ будущихъ столѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая при этомъ кусать и живыхъ“ 2).

1) Сынъ Отечества 1822 г., ч. 82, № 49.

2) Въмѣсто предисловія къ Бахчисарайскому фонтану. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны и съ Васильев-

Мысль не доразвита, но ее досказали Бейль и Брюнетьеръ: Tous les classiques ont jadis commencé par être des romantiques... Un romantique serait tout simplement un classique en route pour parvenir, et réciproquement, un classique ne serait de plus qu'un romantique arrivé; комментаторы, антиквары овладѣваютъ имъ, какъ классикомъ, и онъ становится ихъ критеріемъ для суда надъ будущимъ романтикомъ.

Еще въ письмѣ изъ Парижа кн. Вяземскій говоритъ о „такъ называемомъ“ романтизмѣ, „пбо названіе это не иначе какъ случайное и временное; настоящій крестный отецъ такъ называемого романтизма еще не явился“. Во всякомъ случаѣ отличіе между нимъ и классицизмомъ нельзя ограничить внѣшними формами, отступленіемъ отъ существующихъ законовъ и правилъ, оно лежитъ глубоко, его надо искать „въ нравахъ, въ философическомъ изслѣдованіи исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія, въ событіяхъ, столь плодovitыхъ послѣдствіями“. По мнѣнію французскихъ классиковъ весь романтизмъ вертится на элегіи; а развѣ Аріосто, Шекспиръ, Гёте не умѣютъ смѣяться и смѣшнить? „И у насъ была пора слезливости, ... когда и романтизма еще въ поминѣ не было¹⁾).

Разсужденіе Кюхельбекера „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“²⁾ возвращаетъ насъ къ вопросу объ отношеніяхъ романтизма къ идеѣ народности. Вызвалъ-ли онъ у насъ ея сознаніе? Автору не по сердцу тонъ нашей лирики, преобладающее въ ней чувство унынія, отсутствіе жизнерадостности и силы: „все мечта и призракъ, все мнится и кажется и чудится, все только будто-бы, какъ-бы, нѣчто, что-то“; вездѣ однѣ картины: „луна, которая, разумѣется, уныла и блѣдна, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце, вечерняя заря, изрѣдко длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія Труда, Нѣги, Покоя, Веселья, Печали, Лѣни писателя и Скуки читателя; въ особенности же туманъ: туманы надъ водами, туманы надъ боромъ, туманы надъ полями,

скаго Острова. 1824. Сл. Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго I стр. 168—71. Сл. письмо Пушкина къ кн. Вяземскому 1824 г. Мартъ—Апрѣль.

1) Московскій Телеграфъ 1826 г. № 22.

2) Мнемозина II 1824 г.

туманъ въ головѣ сочинителя“. Виновникъ всему этому Жуковский — подражатель новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру; второй — Батюшковъ, взявшій въ образцы двухъ пигмеевъ французской словесности, Парни и Мильвуа. Оба они — корифеи нашей романтической школы; но что такое романтическая поэзія? Она родилась въ Провансѣ, воспитала Данте, отважно свергла съ себя рабское подражаніе римлянамъ; по существу она была свободная, *народная*. Гдѣ ее искать теперь? Развѣ одинъ Гёте въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній удовлетворяетъ ея требованіямъ, нѣмцы-же вообще были учениками французовъ, римлянъ, грековъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ. О нашихъ поэтахъ говорить нечего, они почти всѣ подражатели, переводчики переводчиковъ. Отъ этого надо отдѣлаться, надо быть самобытнымъ; Жуковский освободилъ насъ отъ ига французской словесности, надо освободиться отъ нѣмецкаго и англійскаго владычества и не подражать безъ разбора „великому Гёте и незрѣвшему Шиллеру“, „огромному Шекспиру и однообразному Байрону“. Надо имѣть поэзію народную, очистить поэтическій языкъ, ставшій un petit jargon de coterie, отъ германизмовъ и галлицизмовъ, открыть путь рѣченіямъ и оборотамъ славянскимъ. Печатью народности ознаменованы у насъ какіе нибудь 80 стиховъ въ Свѣтланѣ и въ Посланіи къ Воейкову Жуковского, нѣкоторыя мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкина. „Да создается для славы Россіи поэзія истинно русская; да будетъ Святая Русь не только въ гражданскомъ, но и въ нравственномъ мірѣ первою державою во вселенной. Вѣра праотцевъ, нравы отечественныя, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя — лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности“.

Въ статьѣ „Нѣсколько мыслей о поэзіи“¹⁾ Рылѣвъ считаетъ несущественнымъ споръ о классической и романтической поэзіи, разумѣя подъ первой ту поэзію, которая въ новой Европѣ жила подражаніемъ античной, не достигая ея. Когда явились поэты, которые, „не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями“, представилась необходимость отличить ихъ отъ предъидущихъ. Кличка „романтической“ случайная, историче-

1) Сынъ Отечества 1825, 104, № 22.

ская; слѣдовало говорить о новой поэзіи (трубадуры, Данте, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте) въ отличіе отъ древней; если подъ романтической поэзіей разумѣть „оригинальную, самобытную“, то въ такомъ случаѣ „Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты—романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя не по правиламъ древнихъ, но предметы конхъ взяты изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми“.

Пушкинъ нѣсколько разъ, но отрывочно, касался теоретическаго вопроса, его видимо интересовавшаго. У насъ жалуются на отсутствіе народности въ литературѣ, писалъ онъ въ 1825 году, но что такое народность въ литературѣ? Одни видятъ ее „въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи“, другіе въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ. Но народность — въ особенностяхъ *духовной фізіономіи народа*, результатъ климата, образа жизни, вѣры; фізіономія, которая можетъ быть вполне оцѣнена одними соотечественниками и находитъ свое отраженіе въ поэзіи. Для французса учтивые герои Расина такъ-же народны, какъ народень Шекспиръ въ Отелло и Гамлетѣ и т. д. ¹⁾ Возникновенія романтической поэзіи Пушкинъ искалъ въ Италіи (Данте, *Vuovo d'Antona*, *Orlando Innamorato*, *Ariosto*) ²⁾ и въ болѣе поздней замѣткѣ соединилъ съ нею идею народности: начало романтики у трубадууровъ, „народная“ поэзія приготовила появленіе „геніевъ“: Данте, Аріоста, Кальдерона, Спенсера, Шекспира, Мильтона, Виллона, Марò; въ эпоху Буало „старый одинъ Корнель остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на французскую сцену“; позже являются во Франціи произведенія, носящія клеймо „чисто романтической поэзіи“: сказки Лафонтена и „Дѣва“ Вольтера (!). Пушкинъ считаетъ неточнымъ опредѣленіе романтизма у французскихъ журналистовъ, относящихся къ нему все, „что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеализма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ престонародныхъ“, но его собственное опредѣленіе крайне сбивчиво и поверхностно: отличіе романтическаго

1) О народности въ литературѣ, 1825 г.

2) Къ кн. Вяземскому 1825 г. іюнь.

отъ классическаго не въ „духѣ“, а въ „формѣ“, Пиндаръ разнится духомъ отъ Анакреона, Энеида отъ Освобожденнаго Иерусалима, и всѣ они принадлежать классическому роду; къ романтическому тѣ произведенія, которыя не были извѣстны грекамъ и римлянамъ, либо тѣ, „прежнія формы которыхъ измѣнились или замѣнены другими“. Мы ожидали бы, что Пушкинъ считается и съ „духомъ“: говоритъ же онъ, что мавры внушили средневѣковой поэзи „изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе востока“, рыцари же „набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Готтфрида и Ричарда“¹⁾—Гёте для него „великанъ романтической поэзи“²⁾.

Въ споръ романтиковъ и классиковъ вступился съ народноохранительной точки зрѣнія и классикъ Катенинъ. Дѣленіе поэзи на классическую и романтическую представляется ему вздорнымъ, не основаннымъ на какомъ-либо ясномъ различіи. Есть первобытная народная поэзія, одна повсюду, на сколько она отразила одинакія условія быта; ихъ мѣстныхъ отличія найдутъ въ ней соотвѣтствующее выраженіе. Есть искусственная поэзія просвѣщеннаго народа, которая „можетъ вмѣщать въ себѣ различныя свойства разнородныхъ поэзій, не смѣшивая ихъ уродливо. Чѣмъ болѣе поэтъ новый, нашъ, обрабатывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе“: „прекрасное, во всѣхъ видахъ и всегда, прекрасно“³⁾. Поэзія современныхъ „литературныхъ раскольниковъ“ поражала уродливостью смѣшенія, и Катенинъ полемизируетъ съ Шлегелемъ за его „одностороннее пристрастіе къ тому, что онъ исключительно почитаетъ христіанствомъ, т. е. къ католицизму,.... требуя вездѣ и во всемъ романтизма, сирѣчь нравовъ, обычаевъ, повѣрій, преданій и всего быта среднихъ вѣковъ западной Европы; но любопытно узнать, почему наши такъ прилѣпились къ романтизму?... Россія искони не имѣла ничего

1) О русской литературѣ съ очеркомъ французской 1834 г.

2) Мелкія замѣтки 1829—31 гг.

3) Размышленія и разборы, статья I, Литературная газета 1830 г., т. I, стр. 30.

общаго съ Европой западной; первыя свои познанія, художества, науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православной отъ Царьграда, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественныя молебны. Правда, Петръ Великій много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но уже-ли, перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянить и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? По счастью это невозможно, и одна вѣра *своя* предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. *Сверхъ того все близкое къ исторіи нашей едва-ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая*; прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украинѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ приобрѣтеннымъ, значить уже въ самомъ дѣлѣ слишкомъ дешево мѣнять святую Русь¹⁾.

Изъ противорѣчій классицизма и романтизма, нашего романтизма и нашей народности пытался выйти Надеждинъ въ латинской диссертациі, отрывки которой появились въ Вѣстникѣ Европы и въ Атенеѣ²⁾. Полевой въ разборѣ книги Галича (Опытъ науки изящнаго) предоставилъ будущему „философу-дѣписателю“, „философу-критику“ примприть классиковъ и романтиковъ, одинаково признавъ изящное древнихъ, съ его перевѣсомъ вещественности надъ духомъ, и сѣверныхъ народовъ, съ его перевѣсомъ духа надъ вещественностью³⁾. Надеждинъ чаялъ этого примѣренія въ поэзіи будущаго, и Бѣлинскій, уличавшій Надеждина въ неискренности его воззрѣній и умышленномъ подборѣ доказательствъ⁴⁾, на этотъ разъ подчеркнул его идею, что поэзія нашего времени не должна быть ни классической, ни романтической, а синтезомъ той и другой. „Мысль

1) Тамъ же стр. 151—2.

2) De origine, indole et fatiis poeseos quae romantica audit, 1830; Вѣстникъ Европы 1830, № 1: О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи; Атенеи 1830, стр. 1 слѣд.: Различіе между классической и романтической школою, объясняемое изъ ихъ происхожденія. Слѣдующія извлеченія сдѣланы изъ первой статьи.

3) Московскій Телеграфъ, 1826 г., № 6 слѣд.

4) Въ разборѣ „Ста русскихъ литераторовъ“, 1841 г. Отеч. Зап., т. XVII, № 7.

справедливая и глубокая, г. Надеждинъ даже хорошо развилъ ее“. Она то и осталась неразвитой 1).

Ратуя противъ современнаго романтизма, переселившася къ намъ съ запада, Надеждинъ исходитъ не изъ классическаго критерія, а изъ общественныхъ и культурныхъ отношеній, органическими выраженіями которыхъ былъ античный классицизмъ и древній романтизмъ. „Человѣкъ классическій былъ покорный рабъ влеченію животной своей природы“, бытіе его было „веселое пированіе на роскошномъ лонѣ природы“, въ которой онъ видѣлъ „высочайшую представительницу безпредѣльнаго изящества“, и его поэзія отразила это міросозерпаніе. „Человѣкъ романтическій былъ своенравный самовластитель движеній своей природы; внутренняя природа человѣческая предоставлена самой себѣ“. „Оттуда самонравная покорность своимъ прихотямъ, мечтамъ и страстямъ“, „беззаботное удалъство, заставлявшее нѣкогда рыцарей мыкаться по бѣлу свѣту и доискиваться приключеній“, „тоскливыя жалобы и грустныя томленія безутѣшной мечтательности; человѣкъ былъ игратище буйныхъ вихрей необузданнаго произвола, носимое по безмѣрнымъ пустынямъ фантастическаго міра“. „Романтическая поэзія во время своей жизни имѣла предъ собой дѣйствительный міръ, коего живую душу составляла сія необузданная стремительность ширящагося духа. Она была вѣрнымъ эхомъ дѣйствительности, когда, растекаясь по безмѣрному склону человѣческой жизни, не поставляла себѣ никакихъ предѣловъ и отвергала всякую мѣру, прорывалась изъ всякаго порядка, посмѣивалась всякому устройству. Для нея всѣ изображенныя ею блужданія и скитанія духа имѣли важность естественности. Отсюда и вытекаетъ, что ея естественное назначеніе было быть свидѣтельницею и исповѣдницею верховной свободы духа человѣческаго“.

Такимъ образомъ, какъ классическая (античная), такъ и романтическая поэзія выразили „одну только половинную сторону человѣчества“, въ уровень съ бытовыми условіями и воззрѣніями создавшей ихъ среды. Если говорятъ, что классическая поэзія не отвѣчаетъ духу нашего времени, то то-же надо сказать и о романтизмѣ: вѣкъ паладиновъ и „беззаботнаго удалъства“ прошелъ, жалобы и мечтательность нагоняютъ

1) „Мысль въ основаніи велѣпа“, Полевой, Очерки, II, 293.

тоску, страхи и „чернокнижіе“, чары и призраки были когда-то объектомъ религіознаго вѣрованія, теперь развѣ дѣти „вѣрятъ сказкамъ о духахъ и мертвецахъ“, и не лучше-ли предпочесть миеологіи романтиковъ, полной оборотней и мертвецовъ, прелестные образы румяной Авроры, „оставляющей стыдливо шафранное ложе Тифона и отрясающей съ золотыхъ кудрей, развѣваемыхъ дыханіемъ утренняго Зефѣира, молодой свѣтъ на пробуждающуюся землю“?

„Для того, чтобы воскресить снова романтическую поэзію, надлежало бы измѣнить весь настоящій порядокъ вещей и воззвать къ жизни святу ю старину временъ среднихъ“.

Итакъ, органически обусловленный романтизмъ есть средневѣковой; протестъ вызываетъ все то, что возвращается къ его мотивамъ внѣ обусловившаго ихъ общественно-психическаго настроенія. Примѣры взяты широко: отъ Шекспира до лже-романтическаго неистовства Байрона и Ламартина. О Фаустѣ Гёте сказано: было бы естественнѣе, если бы авторъ поступился нѣсколько своею излишнею короткостью съ чертами и вѣдьмами; Черный рыцарь въ Орлеанской Дѣйственицѣ Шиллера принадлежитъ лжеромантической миеологіи; необузданность стараго романтизма сказалась въ наши дни: „Кто не знаетъ ужасныхъ слѣдствій, порожденныхъ примѣромъ Гётева Вертера? Кому неизвѣстно бѣшеное сумасшествіе, возбужденное нѣкогда Шиллеровскими разбойниками“?

Мы не можемъ быть ни классиками, ни романтиками: нашъ вѣкъ какъ будто стремится соединить эти двѣ крайности „черезъ упроченіе, просвѣтленіе и торжественное, на алтарѣ истинной мудрости, освѣщеніе узъ общественныхъ. „Человѣкъ научился укрощать свободу силою той же свободы, хочетъ быть рабомъ самого себя, и это рабство есть безусловное владычество, коего ничто возвышеннѣе, ничто изящнѣе, ничто святѣе измышлено быть не можетъ“; періодъ, въ которомъ мы живемъ, ознаменованъ стремленіемъ къ гражданственности. Поэзія будущаго будетъ такъ же соединеніемъ полярныхъ противорѣчій классицизма и романтизма; предчувствіе этой гармоніи дано въ Мессинской Невѣстѣ Шиллера (?). Но, можетъ быть, Россіи суждено сыграть въ этомъ дѣлѣ будущаго ту же роль, какую пелазги въ классическомъ мірѣ, тевтоны въ мірѣ романтическомъ. Жизнь закипѣвшая въ жилахъ оmlадѣвшей державы, вызвала „сознаніе внутренней своей гармоніи“ и выра-

зилась „гармоническимъ пѣснопѣніемъ“: Ломоносовъ прошелъ школу „священной классической древности“— и былъ поэтомъ русскимъ. Далѣе эта гармонія видимо исчезаетъ, ибо Ломоносовъ не оставилъ своей любви къ классической древности „въ наслѣдіе коскому потомству“. На сценѣ одинъ „патріотическій энтузіазмъ“, идея отечества, она и составляетъ — гармонію. Показатели—Державинъ, наши Петровы, Дмитріевы, Капнисты; даже Жуковский, котораго такъ несмысленно величаютъ „Пѣвцомъ Свѣтланы“, не инымъ чѣмъ стяжалъ себѣ неотъемлемое право на славное безсмертіе, какъ чудеснымъ своимъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Въ „патріотическомъ энтузіазмѣ“, непреложномъ наслѣдіи русской поэзіи, находить себѣ объясненіе и басня Хемницера, Дмитріева, Крылова; она ознаменована у насъ печатью народности. И вдругъ струны лирные онѣмѣли для славнаго имени русскаго, — тогда какъ святая Русь продолжаетъ исполински восходить отъ славы во славу. Что это значитъ? Неужели въ груди пѣвцовъ не бьется сердце русское? „Увы, они сдѣлались романтиками!“

Требованія гармоніи, синтеза на почвѣ патріотическаго энтузіазма, осталось фразой. Бѣлинскій, увлекшійся было ею, предпочелъ остановиться въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (1834 г.) на противорѣчіяхъ русскаго романтизма, типомъ котораго явился Жуковский, и русской народности. Но Бѣлинскому оставалось лишь подчеркнуть то, что за два года передъ нимъ писалъ Полевой въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, лучшей исторической опѣнкѣ изъ всѣхъ, явившихся при жизни поэта. По мнѣнію Полеваго, Жуковский не зналъ національности русской, когда издавалъ Марьину Рошу и старался обрусить Ленору, не знаетъ и теперь; народности у него не ищите; въ его душѣ отразился „первый отблескъ германскаго новѣйшаго романтизма: поэтическая мечтательность, продолженная на вѣкъ“; отраженіе одностороннее, потому что Жуковский усвоилъ лишь одну изъ идей новаго романтизма, который „проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими этотъ романтизмъ осіялъ Европу“¹⁾.

Бѣлинскій пытается разобраться. „Романтизмъ— вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ, народность, вотъ

1) Полевой, Очерки I, стр. 116, 117—118, 119, 138, 148.

альфа и омега новаго періода“. Самъ Жуковскій вдругъ забылъ своихъ паладиновъ, прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, колдуновъ и очарованные замки и пустился писать русскія сказки, но онѣ „не въ ладу съ русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слышать и видомъ не видать“. Но что такое „русскій духъ“? Что такое наше пониманіе народности? спрашиваетъ критикъ; ее смѣшиваютъ съ простонародностью, ищутъ ее въ старинѣ, поддѣлываясь подъ тонъ лѣтописей и народныхъ пѣсенъ. Оттуда неизбѣжная односторонность: „дѣлая идея народа“, „идея русской жизни“, „народная фizioномія“ еще не схвачены сознаниемъ; въ нашей литературѣ народность если не мечта, то почти такъ, „хотя и не совѣмъ“. Это старая жалоба кн. Вяземскаго; Полевой говорилъ позже о „высшей народности“, „русскомъ самобытномъ духѣ“, котораго наша словесность едва коснулась ¹⁾.

Жуковскій могъ быть романтикомъ, не заглядывая въ народность: таковъ результатъ, къ которому пришелъ Бѣлинскій въ статьѣ объ Очеркахъ Полевого ²⁾. „Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны, правда; но это совѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое, великое дѣло: осуществить черезъ поэзію въ своемъ отечествѣ необходимый моментъ въ развитіи духа, моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію романтическими элементами. Жуковскій по преимуществу *романтикъ*“.

Статья Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова проводитъ знакомыя намъ идеи надеждинскихъ полюсовъ и ихъ желательнаго сліянiя ³⁾. Классическія поэзіи — это греческая, источникомъ романтизма было христіанство; подъ романтизмомъ разумѣется „искусство среднихъ вѣковъ, включая сюда и нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ, какъ напр. Шиллера“. Что касается другихъ „такъ называемыхъ романтиковъ, то они „полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неистовствѣ“. Мы не греки и не римляне: наше искусство, начиная съ Шекспира и Сервантеса до Байрона, Гёте, Пушкина, не ро-

1) Очерки II, стр. 483 слѣд. (въ отчетѣ о сочиненіи Тополи. Москва, 1837 г.).

2) Очерки явились въ 1839 г.; отчетъ въ Отеч. Запискахъ 1840 г. № 1.

3) Отечественныя Записки, тамъ-же.

мантическое, а новѣйшее ¹⁾, его характеръ — примиреніе классическаго и романтическаго; „поэзія мужественнаго возраста человѣчества“ должна быть поэзіей дѣйствительности, „которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и „великолѣпнымъ днемъ“ и ранѣе его, хотя „непонятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте“ ²⁾.

Много говорится о романтизмѣ въ извѣстномъ этюдѣ Бѣлинскаго о „Русской литературѣ въ 1843 году“, но вопросъ о романтизмѣ, какъ общественно-психологическомъ и литературномъ явленіи конца XVIII и начала XIX вѣка, единственный, съ которымъ намъ приходится считаться, не подвинулся къ разъясненію. Какъ Полевой видѣлъ сущность романтизма въ „неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи человѣческаго сердца“ ³⁾, такъ и теперь намъ говорятъ, что „гдѣ человѣкъ, тамъ и романтизмъ“, „почти всякій человѣкъ — романтикъ“; романтизмъ — это внутренній міръ души, сокровенная жизнь сердца, „откуда поднимаются всѣ неопредѣленныя стремленія къ лучшему и возвышенному“; въ его основѣ „непрерѣнно лежитъ мистицизмъ“. Романтика — это „сторона внутренняя, задушевная, сторона *сердца*“, другая — „сторона сознающаго себя *разума*, сторона общаго, разумья подъ этимъ словомъ сочетаніе интересовъ, выходящихъ изъ сферы индивидуальности и личности“. Въ ихъ соприкосновеніи счастье современнаго человѣка; но мы знаемъ ихъ въ борьбѣ: въ греческомъ міросозерцаніи торжествуетъ сторона общаго, разума, Зевса и Олимпійскихъ боговъ; они низринули романтиковъ-индивидуалистовъ, титановъ, но романтическія силы возстали, гармоническія, одухотворенныя, и подкопали царство Зевса: элевзинскія таинства — романтизмъ, Платонъ — величайшій изъ романтиковъ; такъ оцѣниваются Еврипидъ и Гезіодъ, греческая элегія, элегическіе эпизоды Иліады. — Возрѣніе, напоминающее взгляды Шатобріана, недавно развитые Ратер'омъ. — Въ средніе вѣка отношенія борющихся перемѣнились, преобладающая сила за элементомъ индивидуальнаго начала, страстнаго стремленія къ таинственному „тамъ“; начало „общаго“, если не разума, то дѣйствительности и общности, принижено; ро-

1) Сл. строки, направленные противъ Надеждина въ Отеч. Записк. 1841 г., т. XVII, № 7, въ отчетѣ о „Ста русскихъ литераторахъ“.

2) Моск. Телеграфъ 1825 г., № V, мартъ, стр. 45.

мантизмъ, робко проникавшій въ греческое міросозерцаніе, торжествуетъ, но его идеалы принадлежатъ области чаянія и поэзіи, не спускаясь въ жизнь, руководящуюся грубыми инстинктами. Таковъ романтизмъ среднихъ вѣковъ. Разсудочный XVIII-й вѣкъ нанесъ ему рѣшительный ударъ, но въ концѣ вѣка онъ возсталъ снова, какъ реакція крайнему протесту. Новый романтизмъ „есть органическое единство всѣхъ моментовъ романтизма, развивавшагося въ исторіи человѣчества“, воскрешеніе средневѣковаго. Онъ объявился въ Германіи: Шиллеръ— поэтъ гуманности и мечтательной любви и, вмѣстѣ, романтикъ въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, обновившій въ своихъ балладахъ ихъ безотчетный пѣтизмъ; послѣ него, хватаясь „за слабую сторону Шиллера“, возникли романтики, Шлегель, Тикъ, Новалисъ; ихъ идеалъ: вызвать къ жизни въ новомъ мірѣ формы жизни среднихъ вѣковъ. „Самъ Гёте, человѣкъ высшаго закала, поэтъ мысли и здраваго разсудка, въ легендѣ среднихъ вѣковъ высказалъ страданіе современнаго человѣка (Фаустъ), а въ своемъ „Вертерѣ“ явился онъ романтикомъ тоже въ духѣ среднихъ вѣковъ“.

Впечатлѣніе отъ этого перечня въ которомъ соединено многое несоединимое, получается такое, какъ будто основной чертой романтизма было возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, къ средневѣковому романтизму; недаромъ одинъ зовется сыномъ другого, Жуковскій— „переводчикомъ на русскій языкъ романтизма среднихъ вѣковъ, воскрешеннаго въ началѣ XIX вѣка нѣмецкими и англійскими поэтами, преимущественно же Шиллеромъ“. Жуковскій „не долженъ“ былъ понимать и Гамлета, потому что понимать его, значило бы отказаться отъ среднихъ вѣковъ— и романтизма! Такой взглядъ, въ которомъ повиненъ не одинъ Бѣлинскій, объясняется смѣшеніемъ цѣли съ средствами: романтики излюбили средніе вѣка, какъ излюбили Шекспира, востокъ и всякій экзотизмъ, потому что искали всюду и родственныхъ стремленій, и средствъ для ихъ выраженія; иные изъ нихъ могли уйти съ головой въ католицизмъ, теоретически или практически— въ поклоненіе феодальнымъ порядкамъ, но совершилось это на пути броженія и поисковъ за новымъ идеаломъ: они искали его и боролись, средневѣковые „романтики“ чаяли его „тамъ“, но онъ для нихъ существовалъ. Идеалы любви, въ которыхъ Бѣлинскій и другіе усматриваютъ одинъ изъ показателей романтизма стараго

и новаго, далеко не тождественны, содержаніе ихъ сложилось при разныхъ условіяхъ, и если „Рыцарь Тоггенбургъ“ напоминаетъ издали нѣкоторые мотивы средневѣковой любовной лирики, то отъ Люцинды и Захаріи Вернера трубадуры отвернулись бы съ негодованіемъ. Если существовалъ средневѣковой романтизмъ, а новый явился его воскрешеніемъ, то понятенъ выводъ: „У Россіи не было своихъ среднихъ вѣковъ“, не было и соотвѣтствующаго романтизма, нечего было и воскрешать. Жуковскій „привелъ намъ романтизмъ“ съ Запада и, если его поэзія чуждается русскихъ національныхъ элементовъ, то это и недостатокъ, и достоинство: будь для него народность основной стихіей, онъ не былъ бы романтикомъ, и наша поэзія не была бы оплодотворена романтическимъ содержаніемъ.

Содержанію этому Бѣлинскій даетъ такое „неопредѣленное и туманное опредѣленіе“: „это — желаніе, стремленіе, порывъ, чувство, вздохъ, стонъ, жалоба на несвершенныя надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастье, которое Богъ знаетъ въ чемъ состояло; это — міръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и призраками...; это унылое, медленно текущее... настоящее, которое оплакиваетъ прошедшее и не видитъ предъ собой будущаго; наконецъ, это любовь, которая питается грустью и которая, безъ грусти, не имѣла бы чѣмъ поддержать свое существованіе“. Жуковскій — пѣвецъ „скорби“, „сердечныхъ утратъ“, онъ первый на Руси „выговорилъ элегическимъ языкомъ жалобы человѣка на жизнь“.

Въ этомъ опредѣленіи слышатся упреки Кюхельбекера, „унылый романтизмъ“ Пушкина (Евгеній Онѣгинъ III, 12); они ведутъ насъ не къ романтизму, а къ психической средѣ, приготовившей развитіе романтической школы. Въ сущности это сознавали и Полевой и Бѣлинскій, говорившій въ 1834-мъ году о „Карамзинскомъ идеалѣ Жуковскаго“, въ 1840-мъ о томъ, что и въ старости онъ остался „тѣмъ-же юношей, какимъ явился на поприще литературы“. Названіе его романтикомъ — результатъ сокращенія перспективы, въ которой доходили до насъ смѣнявшія другъ друга западныя литературныя теченія, причемъ на цѣлое перенесено было обозначеніе, отвѣчавшее конечному эпизоду. Вмѣстѣ съ обозначеніемъ — и требованіе народности; такъ гласила теорія; но спросъ на народность въ литературѣ явился у насъ ранѣе и развился онъ въ сторонѣ отъ романтизма: мы видимъ его въ паеосѣ державинской оды,

обрусившей нѣмецкихъ бардовъ и мотивы Оссіана; на рубежѣ XIX вѣка, когда народная пѣсня робко заглянула въ художественную лирику и старина стала проситься въ эпосъ, когда въ Оленинскомъ неоклассическомъ кружкѣ мечтали сдѣлать русскую жизнь, особенно древнюю, предметомъ поэтической идеализаціи, когда Уваровъ открывалъ „русскіе средніе вѣка“, а Кайсарову, этому одностороннему патріотическому энтузіасту, грезилось, какъ позже Надеждину, что, освободившись отъ романскихъ и германскихъ вліяній, мы выразимъ свой народный идеалъ человѣчности¹⁾. Идея эта прошла черезъ фазисы народнаго и оффиціальнаго патріотизма, декабристскихъ мечтаній о древне-русской вольности и скромныхъ идеяхъ Плетнева о предпочтительности народной поэзіи передъ „неопредѣленной или всеобщей“. Искали „народную душу“. Для Жуковского-поэта она не существенна: выросши въ преданіяхъ сентиментализма, онъ не только усвоилъ себѣ форму его мышленія и выраженія, но и глубоко пережилъ содержаніе его идеаловъ, въ которыхъ народность заслонялось исканіемъ человѣчности; когда его коснулись вѣянія романтизма, они остались для него элементами стиля, поглощенные уже созрѣвшимъ въ немъ настроеніемъ, отъ котораго онъ никогда не могъ отвязаться.

Біографія его сердца въ дневникахъ, письмахъ, поэзіи, раскроетъ намъ, какъ сложилось это настроеніе, но любопытно спросить себя теперь-же, какими равными чтеніями оно воспиталось и поддерживалось. Эти чтенія, французскія и англійскія, по существу, Карамзинскія: стихотвореніе „Человѣкъ“ 1801 года сопровождается эпиграфомъ изъ Young'a: A worm! a God! съ выноскою при седьмой строфѣ: Юнгъ; къ 1801 году относится первая попытка перевести элегію Грея; еще до 1803 года Жуковский заинтересовался, судя по письмамъ Андрея Тургенева, Гольдсмитовой *The deserted village* и, можетъ быть,

1) Бурдахъ у Пѣтухова, Каеэдра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ (Юрьевъ 1900 г.), стр. 37—8.

посланиемъ Элоизы къ Абеяру (Поппе) ¹⁾. Въ 1808 году переведенъ заключительный гимнъ къ поэмѣ Томсона, *The Seasons*, давно обратившій на себя вниманіе Карамзина (Гимнъ заключительный къ поэмѣ Томсона „Времена Года“ 1787 г.), но Томсонъ принадлежитъ уже къ чтеніямъ 1804 года вмѣстѣ съ *Saint-Lambert*, Геснеромъ, *Hervey*, *Bloomfield*’омъ и Энеидой въ переводѣ Делиля ²⁾. Въ замѣткѣ о методѣ изученія словесности, относящейся къ періоду самообразованія, программа расширилась: предполагалось читать сравнительно баллады Бюргера и Шиллера, Шиллера, какъ стихотворца философическаго, „совмѣстно“ съ Гёте, Расина съ Вольтеромъ, Корнелемъ и Кребильономъ, оды Рамлера, Жана Батиста Руссо и Горация съ Державинскими ³⁾, но въ стихотвореніяхъ 1806 года преобладаютъ имена Парни, Лафонтена и Флоріана, повѣсти котораго Жуковскій переводилъ еще въ 1801 году, передѣлку *Донъ-Кихота* въ 1802 г. ⁴⁾. Первые подражанія Шиллеру, Бюргеру, Гёте являются въ 1806—9 годахъ, и въ то-же время теоретическая часть статей „О баснѣ и басняхъ Крылова“ и „О сатирѣ

1) Переводъ *The deserted village*: „Опустѣвшая деревня“ относится къ декабрю 1805 года (Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Имп. Публ. Библиотеку въ 1884 г. Разобраны и описаны И. Бычковымъ 1887, стр. 20, 24); переведено лишь 96 стиховъ (до стиха: *Who quits a world when strong temptations try*). Переводъ „Посланія“ (неконченный), который затѣвалъ и Андрей Тургеневъ, помѣченъ апрѣлемъ 1806 года (Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго стр. 20, 24, 26, 32). Интересна въ черновомъ автографѣ „Посланія“ (папка № 12 Имп. Публ. Библ.) замѣтка Жуковскаго къ стиху: „О дикія скалы, изрытыя мольбою“: „Я хотѣлъ перевести *Деллево usés par la prière*, но, кажется, переводъ не очень счастливъ“. Въ автографѣ того-же стихотворенія, сохранившемся въ альбомѣ М. А. Протасовой (папка № 14 Имп. Публ. Библ.), стоитъ помѣта: „продолженіе можетъ быть“. Эта мысль не оставляла Жуковскаго еще въ 1814-мъ году (Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 8).

2) Дневники В. А. Жуковскаго съ примѣчаніями И. А. Бычкова, подъ 30 іюля 1804 г.

3) Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго 1833 г. стр. 30—1; Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи стр. 20, 73.

4) Вильгельмъ Тель или освобожденная Швейцарія. Сочиненіе Флоріана. Съ историческою картинкою и присовокупленіемъ новѣйшаго сочиненія сего автора: *Рсзальба*, сицилійская повѣсть. Москва 1802 года. Переводъ *Донъ-Кихота* вышелъ въ Москвѣ въ 6-ти частяхъ въ 1804—6 гг., но первая часть имѣетъ еще другой заглавный листъ съ помѣтой 1803 г.

и сатирахъ Кантемира“ (1809) внушена Лагарпомъ, Баттё ¹⁾ и Сульдеромъ, театральные отчеты слѣдующаго года указываютъ на преклоненіе не только передъ Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ, но и передъ Кребиллономъ: Жуковскій видитъ въ немъ великаго трагика ²⁾. Вѣстникъ Европы, издававшійся подъ его редакціей въ 1808—10 годахъ, наполнялся переводами съ французскаго; еще въ 1821 году онъ заявляетъ, что комизмъ французовъ ему понятнѣе Шекспировскаго, и въ концѣ 1823 г. переводитъ Валерію Скриба ³⁾.

Въ теченія современной нѣмецкой литературы ввелъ его энтузіастъ Андрей Тургеневъ, но Жуковскій разбирается въ ней оцупью, не увлекаясь, а все примѣняя къ себѣ, къ покрою своего міросозданія. Онъ знаетъ Шиллера и Коцебу, Енгеля, писателей просвѣтительнаго филистерства, отъ которыхъ уже сторонилась жизнеспособная литература; ищетъ въ Виландѣ, котораго позже назоветъ язычникомъ и эпикурейцемъ ⁴⁾, своихъ идей ⁵⁾. Въ 1805 году онъ читаетъ съ одной изъ своихъ племянницъ Геллерта ⁶⁾, затѣваетъ перевести Гарве, Ueber Gesellschaft und Einsamkeit, Ешенбурга, Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften, заинтересованъ его Beispielsammlung; пишетъ Вендриху (19 декабря), что нѣмецкая литература ему мало знакома; признается Ал. Тургеневу въ 1806 (8 Генв.), что начинаетъ уважать нѣмецкихъ авторовъ и нѣмецкую философію, потому что она „возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе, она больше возбуждаетъ энтузіазмъ“. По собственному признанію нѣмецкая философія ему не далась, да и не нѣмецкимъ языкомъ онъ не вполнѣ еще

1) Сл. Полевой, Очерки I стр. 142—3; кн. Вяземскій, Полное собр. сочиненій I стр. 64.

2) Сл. отчетъ о переводѣ Радамиста и Зенобіи Висковатовымъ въ 1810 г.

3) Цензурный экземпляръ, найденный проф. Архангельскимъ, помѣченъ 29 ноября; пьеса, поставленная на сцену 17 декабря, была переведена для актрисы Колосовой по просьбѣ Милорадовича, которому Жуковскій хотѣлъ услужить, потому что и отъ него ожидалъ услуги: избавленія одного бѣдняка отъ ссылки. Жуковскій не желалъ, чтобы его имя, какъ переводчика, было разглашено. Сл. письмо къ Гнѣдичу 1823 г.

4) Къ фонъ-дербъ-Бриггену 6/18 мая 1847 г.

5) Сл. Тихонравовъ, Сочиненія т. III, ч. 1-ая стр. 452 слѣд.

6) Дневникъ подъ 16 ноября 1805 г.; сл. письмо къ Ал. Тургеневу 1805 г. 31 авг.

владѣль, когда въ 1808 году подражалъ пѣснѣ Теклы у Шиллера: „Тоска по миломъ“¹⁾; письма Иоганна Миллера, которыми Жуковский такъ увлекался, переведены въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. (№ 16) и 1811 г. (№ 6) — съ французскаго. Шиллеръ и Гёте стануть въ центрѣ его симпатій лишь позже, но такъ же примѣнительно-односторонне, какъ и Байронъ. Его теоретическіе взгляды на творчество, на значеніе прекраснаго и поэзіи пройдутъ по линіи Лагарпа, Баттё, Эшенбурга, Энгеля, Сульцера, чтобы остановиться на Бутервекѣ, съ эстетикой котораго онъ познакомился въ 1807 г.²⁾; это не мѣшало ему прислушиваться къ литературнымъ сужденіямъ классика Блудова³⁾, за что, какъ извѣстно, пожурилъ его Пушкинъ. Съ собственно-романтической теоріей изящнаго Жуковский не обнаруживаетъ знакомства, еще менѣе съ философскими системами, пошедшими съ ней объ руку.

Можно было бы ожидать такого знакомства съ поэтами, дѣятелями нѣмецкаго романтизма. Жуковский переводилъ изъ немногихъ, и притомъ въ разбродѣ, минуя старшихъ. Выборъ извѣстенъ по изданіямъ. Для нѣмецкой части журнала, который онъ затѣвалъ подъ заглавіемъ Аонидъ или Мнемозины, намѣчены были, кромѣ Гёте и Шиллера, Гердера, Якоби и др., „Тикъ изъ *Fantasia. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Esbert.* Изъ Штернбальда. — Ла Моттъ Фукэ изъ *Erzahlungen* (многое множество прекраснаго). — J. Paul., J. Paul's Geist, одни отрывки, цѣлаго невозможно. — Novalis. *Der Poet, Erzählung* (прекрасно). — Шлегель (отрывки изъ драматургій)⁴⁾. Журналъ не состоялся; изъ Ж. П. Рихтера взяты стихи на смерть королевы Луизы, помѣщаемые въ концѣ статьи „Воспоминаніе“ 1842 г., но появившіеся въ Московскомъ Телеграфѣ уже въ 1827 г. (ч. XV, № 11) безъ подписи переводчика. — На старости лѣтъ Жуковский принялся было за переводъ Вернера „24-е февраля“; сохранилось начало⁵⁾.

1) Зейдлицъ I. с. стр. 32—3.

2) Сл. письмо къ Ал. Тургеневу начала февр. 1807.

3) Сл. письма къ Ал. Тургеневу, дек. 1806 г.; 22 ноября 1810 г.; 20 окт. 1814 г. и др.; наконецъ, посвященіе Вадима: Твой вкусъ былъ мнѣ учитель.

4) Сл. письмо къ Д. В. Дашкову изъ Дерпта 1817 года.

5) Сл. Бумаги В. А. Жуковскаго I. с. стр. 79—80 и мою замѣтку: Легенда объ Евстратіи—Юліанѣ въ Изв. Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ т. VI, стр. 13.

Первая поѣздка за границу ввела Жуковского въ личное общеніе съ литературными силами Германіи, между прочимъ и съ романтиками. Онъ видѣлъ Гёте, видѣлъ въ Берлинѣ Беттину фонъ Арнимъ, которую нашелъ „очень аффектированной“, тогда какъ „Рапели фонъ Фернгагенъ придавалъ большое значеніе“¹⁾; провелъ день въ Байрейтѣ, чтобы познакомиться съ Жанъ Полемъ, „и пробылъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушіемъ“, писалъ онъ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ²⁾. Онъ встрѣчалъ у Гёте Шлегеля и много разъ видѣлъ Brentano³⁾. Зналъ-ли онъ Теодора Амадея Гофмана? Съ 1816 года Гофманъ былъ снова въ Берлинѣ, гдѣ въ томъ-же году поставлена была его опера „Ундина“ съ либретто де ла Моттъ Фукэ, гдѣ написаны были нѣкоторые изъ его Phantasiestücke (1816), Элексиры Дьявола (1815—16), Nachtstücke in Callot's Manier (1817) и Серапионовы Братья (1819—21). Къ его интимному кружку принадлежали де ла Моттъ Фукэ, Chamisso и извѣстный актеръ Девриенъ. Жуковскому несомнѣнно была уже знакома Ундина де ла Моттъ Фукэ, которую онъ лишь позднѣе передалъ русскими стихами; вѣроятно, знакомъ и его Zauberring (1813). Съ авторомъ онъ встрѣчался часто въ разные свои пріѣзды въ Берлинъ, но характеристика его, написанная по первому впечатлѣнію, крайне безцвѣтна: въ лицѣ де-ла-Моттъ-Фукэ „нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе, записываетъ Жуковский. Есть живость въ глазахъ: онъ имѣетъ талантъ, и талантъ необыкновенный, онъ способенъ, разгорячивъ воображеніе, написать прекрасное, но это не есть всегдашнее, зависитъ отъ расположенія, находить вдохновеніемъ; авторъ и человекъ не одно, и лицо его мало изображаетъ того, что чувствуетъ и мыслитъ авторъ въ нѣкоторыя ми-

1) Сл. Дневникъ 1 мая 1821 г.; Записки А. Ѳ. Смирновой I, стр. 54.

2) Сл. Русск. Старина 1902 г. Май: Письма В. А. Жуковского къ вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г., стр. 339. Въ одинъ изъ альбомовъ Жуковского (помѣченный вверху перваго листа: 1820, 16/28 декабря. Берлинъ) Жанъ Поль внесъ нѣсколько строкъ, подписанныхъ: Vaireut, d. 12 jul. 1821. Къ автору приложенъ завернутый въ бумажку локонъ съ надписью: Eine Locke Jean Paul's, statt einer früher verlorenen 1834 von seiner Tochter Emma empfangen. Тутъ же вѣточка, взятая „съ гроба Ж. Пауля въ 1826 г.“.

3) Записки А. Ѳ. Смирновой I, стр. 54, 56.

нуты. Раговоръ нашъ состоялъ изъ комплиментовъ и продолжался недолго¹⁾. За то Жуковскій не устаеетъ восторгаться другомъ Гофмана, знаменитымъ актеромъ романтической эпохи, Девриеномъ: онъ видѣлъ его въ „Венеціанскомъ купцѣ“, но ушелъ послѣ перваго акта и не жалѣетъ, потому что провелъ вечеръ у „привлекательнаго старика Гуфланда“. „Игра Девриена есть совершенство, замѣчаетъ онъ по этому поводу: онъ учитъ свои роли, какъ человѣкъ, глубоко разбирающій человѣческое сердце; разборъ его игры былъ бы разборъ человѣческой натуры; сравнивая оригиналь и списокъ, много можно найти истинъ нравственныхъ. Можно объ немъ сказать, что онъ актеръ добросовѣстный; онъ привязанъ съ удивительною вѣрностью, съ удивительнымъ уваженіемъ къ роли своей; разъ ее постигнувъ, онъ уже ни для чего и ни для кого ее не забудетъ: онъ не мыслитъ о партерѣ и его рукоплесканіяхъ и никогда истинною не жертвуетъ успѣху“²⁾.

Все это—не характерно для Девриена, высокаго въ воспроизведеніи демоническаго, страшнаго, всего, что перерастаетъ обычныя человѣческія отношенія, и, вмѣстѣ, мастера изображать юмористическую сторону жизненныхъ явленій. Среднее ему менѣе давалось: это крайности Гофмановскаго настроенія; они сходились талантомъ. Каждый вечеръ ихъ можно было видѣть въ погребкѣ Lutter'a и Wegener'a, и нерѣдко бесѣда длилась до ранняго утра. Объ этихъ бесѣдахъ, сопровождавшихся возліаніями, ходили въ Берлинѣ сказочные слухи. Гофманъ былъ „всегда навеселѣ“, рассказывалъ Жуковскій въ салонѣ Смирновой, „онъ писалъ прекрасную оперу Ундину, ее иногда давали“³⁾. Въ берлинскомъ дневникѣ 1820 и 1821 годовъ имя Гофмана встрѣчается нерѣдко, но только разъ съ какимъ то неяс-

1) Дневникъ 1820 г. 24 окт./5 ноября; сл. дневники 28 дек. с. ст. 1820 г., 6 (глупая пьеса Ла-Мотъ-Фукэ) и 7 Января (Ла-Мотъ-Фукэ и Шатобрианъ), 6 (поутру у Ла-Мотъ-Фукэ) и 8 февраля (ввечеру у Гуфланда съ Ла-Мотъ-Фукэ). Сл. еще отмѣтки подь 22 февр. и 5 марта (Zauberring). Въ перечнѣ лицъ, съ которыми Жуковскій видѣлся въ Берлинѣ осенью 1827 года, названы: Ла-Мотъ-Фукэ, Раухъ, Тикъ; въ дневникѣ 1832 г. подь 19—21 дек.: чтение Galgenmannlein, Köhlerfamilie, Der unbekannte Kranke.

2) Дневникъ 1820 г. 3 ноября с. ст.; сл. ib. 15, 16 и 18 окт., 2 ноября и письмо къ Е. А. Протасовой 1 ноября 1820 г. Русск. Арх. 1900 г., кн. 3-я, стр. 37.

3) Записки Смирновой I, стр. 155.

нымъ указаніемъ: „ужинъ у Грѣбена. Hoffmann. Triumph der Ironie 1).

Въ 1821 году Жуковскій посѣтилъ въ Дрезденѣ Тика, одного изъ столповъ романтической школы, и то, что онъ написалъ о своихъ бесѣдахъ, рисуетъ его, поучающагося и нѣсколько растеряннаго передъ лицомъ ея откровеній. О своихъ впечатлѣніяхъ онъ писалъ 23 іюня/5 іюля 1821 года вел. кн. Александрѣ Федоровнѣ 2). По своемъ переселеніи въ Дрезденъ (1819 г.) Тикъ вступилъ въ новую пору своей дѣятельности: около 20-хъ годовъ романтика пошла на склонъ, Тикъ пишетъ свои историческія, антиромантическія новеллы, а Жуковскому какъ будто незнакома ни его первая литературная манера, ни такія капитальныя для романтизма произведенія, какъ *Genoveva* и *Октавянъ*: онъ знаетъ Тика, какъ автора *Sternbald's Wanderungen*, неконченнаго романа, настроеніе котораго было повѣяно ему Вагкенродеромъ; онъ даже говоритъ о „Штернбальдѣ—Тикѣ“, читаетъ въ чертахъ его лица „что-то согласное съ тою мечтательностью, которую находимъ въ *Sternbalds Wanderungen*; виденъ человѣкъ, который мыслить, но котораго мысли принадлежатъ болѣе воображенію, чѣмъ существенности“ 3). Разумѣется, мечтательность не исчерпываетъ всего романтизма, Штернбальдъ всего Тика. Тикъ былъ колористъ, поэтъ настроенія, не объективности, и его фантазіи часто питалась не пережитыми впечатлѣніями; не это-ли имѣлъ ввиду Жуковскій, когда противопоставалъ существенность воображенію? По словамъ Жуковского Тикъ занимался въ то время переводомъ Шекспировскихъ пьесъ, еще не переведенныхъ Шле-

1) Дневникъ 1820 г., 13 ноября с. ст.; сл. помѣтки 7 ноября (у графа Гребена—Гофманъ), 12 ноября (обѣдъ въ рестораціи, у Гофмана); 1821 г. 16 марта (вечеръ у Гребена,... Hoffmann).

2) Русск. Старина 1901 г. ноябрь, стр. 389 слѣд.; черновой списокъ (съ неправильнымъ адресомъ вел. кн. Николаю Павловичу) въ Щукинскомъ сборникѣ вып. I, стр. 82. (со словъ: „Въ послѣднемъ письмѣ“); въ печатномъ изданіи „Отрывка изъ письма о Саксоніи,“ текстъ, нѣсколько измененный, ближе къ черновому.

3) Въ письмѣ къ вел. кн. Александрѣ Федоровнѣ: „болѣе принадлежитъ его собственному идеальному міру, нежели существенности“. Сл. въ другомъ письмѣ къ ней-же (Прага 10/22 іюня 1821 г.) о впечатлѣніи веселаго пейзажа: „радуешься настоящей минутой, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ“.

гелемъ, и готовилъ къ изданію „критическій и философическій“ разборъ Шекспировскихъ комедій и трагедій. Очевидно „книгу о Шекспирѣ“, на которую Тикъ часто ссылался, но которой не написалъ; Шекспировскія пьесы, не переведенныя Шлегелемъ, вышли въ 1825 году въ переводѣ графа Баудисина и дочери поэта, Доротеи, съ его критическими примѣчаніями.

Романтики облюбовали Шекспира, еще молодой Гёте обрушался на Виланда за то, что онъ по большей части не переводилъ пьесъ Шекспира, или искажалъ ихъ, а въ его шуткахъ и игрѣ словъ находилъ площадныя остроты и извоичій вкусъ. Позже Гёте колеблется: въ 1805 году Шекспиръ и Кальдеронъ представляются ему безупречными передъ высшимъ судомъ эстетики, и въ то-же время онъ называетъ Гамлета варварской смѣсью чудовищнаго и пошлаго. Гамлета онъ собирался подвергнуть обработкѣ (сл. *Wilhelm Meisters Lehrjahre*, V Buch, cap. 4), какъ передѣланъ былъ имъ Ромео и Юлія, какъ Шиллеръ подвергъ переработкѣ Макбета, особенно въ эпизодѣ вѣдьмъ. Классическій шаблонъ восторжествовалъ, и Девриентъ тонко подшутилъ надъ Гёте и Шиллеромъ за ихъ поворотъ къ старинѣ. Въ бесѣдѣ съ Тикомъ Жуковскій раздѣляетъ ихъ взгляды: онъ откровенно сознается, что не понимаетъ Гамлета, это „чудовище“, „чудесный уродъ“; не понимаетъ и его нѣмецкихъ толкователей, Шлегеля. Тикъ вразумляетъ его: въ томъ-то и привилегія генія, „что онъ, безъ *ясной мысли*, не назначая себя напередъ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другіе медленнымъ размышленіемъ по слѣдамъ его открываютъ. *Чувство*, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ“.— Это „прекрасно и справедливо вообще, замѣчаетъ Жуковскій, но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету“.

Тикъ обѣщалъ ему прочесть Гамлета и дать объясненія. Онъ былъ прекрасный чтець, послушать котораго, по свидѣтельству Фризена, пріѣзжали издалека, американцы, датчане, русскіе, между ними Уваровъ; въ мимикѣ онъ уступалъ развѣ Brentano. Когда, пропутешествовавъ по саксонской Швейцаріи, Жуковскій посѣтилъ его снова, Тикъ нездоровилось, Гамлетъ оказался для чтенія слѣшкомъ длиннымъ;

вмѣсто него Тикъ прочелъ Макбета ¹⁾, Жуковскому понравилась его „мѣста ужасныя“. Въ комическихъ партіяхъ „Какъ вамъ угодно“ Тикъ былъ еще выше, но Жуковскому кажется забавнѣе Плещеевъ, старый его знакомый, музыкантъ и театралъ, хорошій актеръ, впослѣдствіи состоявшій чтецомъ при императрицѣ Маріи Александровнѣ; когда-то онъ изумлялъ арзамазцевъ искусствомъ подражать голосу и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ кривляться и передразнивать бѣдныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ ²⁾. Жуковскій объясняетъ свое предпочтеніе тѣмъ, что комическое французовъ ему болѣе знакомо, чѣмъ комизмъ Шекспира: онъ „смѣштитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вкусъ“.

Семья Тика приняла Жуковскаго, какъ стараго знакомаго, съ сердечной добротой, „а въ Тикѣ нашелъ я то, что единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему гению: *любезное, искреннее дубродушіе*“. „Мнѣ жаль было растоваться съ Тикомъ, вѣроятно, это навсегда ³⁾, добавляетъ онъ въ письмѣ къ великой княгинѣ; онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернбальда и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги“. Въ томъ альбомѣ Жуковскаго, который сохранилъ автографъ Ж. П. Рихтера, есть и автографъ Тика, помѣченный: Dresden am 14 Junius 1821:

1) Чтеніе Гамлета помѣчено въ дневникѣ 3 ноября 1821 г., когда Жуковскій снова былъ въ Дрезденѣ на обратномъ пути въ Берлинъ: „у Тика, чтеніе Гамлета“.

2) Записки Ф. Ф. Вигеля ч. V, стр. 45, 46; сл. Соч. Батюшкова III, стр. 751—2, Остафьевскій Архивъ I стр. 439—40, прим. 56. О Плещеевѣ вспоминалъ, по поводу Тика, и Ал. Тургеневъ: „Вчера проводили мы вечеръ у поэта Тика, второго Лессинга по драматическимъ его сочиненіямъ и второго Плещеева по его мимическому искусству читать театральныя пьесы. Онъ прочелъ намъ одну, и прекрасно“. Ал. Тургеневъ къ брату Николаю, Дрезденъ 29 марта 1827 г. въ Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872 г.

3) Имя Тика встрѣчается въ перечнѣ лицъ, съ которыми Жуковскій видѣлся въ Дрезденѣ въ 1826—7 годахъ (сл. Дневники стр. 192, прим. 2). Жуковскій заходилъ къ нему въ 1840 году, но не засталъ (Дневн. 1840 г. 19 марта). Имя Тика, чтенія Тика, споры о немъ неразъ упоминаются въ дневникѣ.

Die dich im Geist erkennen
 Und dich in Liebe finden,
 Im Glauben dann verbinden,
 Kann keine Ferne trennen

Gedenken sie hierbei eines Freundes, der sich Ihrer oft erinnern wird.

Еще до Жуковского былъ у Тика Кюхельбекеръ и привезъ съ собой нѣсколько рѣшительныхъ тиковскихъ характеристикъ: „сластолюбиваго и скрытнаго Виланда“ и Клопштока, который „не христiанинъ, не поэтъ нравственный, но скептикъ и потому писатель опасный“. Въ бесѣдѣ съ романтикомъ Кюхельбекеръ выразилъ мнѣніе „что Новалисъ при большомъ дарованіи, при необыкновенно пышномъ воображеніи, не старается быть яснымъ и совершенно утонулъ въ мистическихъ тонкостяхъ. Тикъ спокойно и тихо объявилъ мнѣ, что Новалисъ ясенъ, и не счелъ нужнымъ подтвердить это доказательствомъ“¹⁾.

Жуковский очутился въ сходномъ положеніи: онъ заявилъ, что не понимаетъ нѣмецкихъ толкователей Шекспира, а Тикъ догматически излагаетъ ему, почему ихъ толкованіе возможно, и Жуковский шепчетъ про себя: „прекрасно и справедливо“, — потому что въ объясненіи Тика нашелъ знакомое ему предпочтеніе чувства разуму, потому что въ Тикѣ онъ ищетъ одной мечтательности, въ гении добродушія и простодушія, на сценѣ нравственныхъ идей. Онъ шагнулъ въ сторону романтизма и нашелъ—себя.

Онъ весь въ характеристикѣ, которую, объединяя свои юношескія впечатлѣнія²⁾, далъ Пушкинъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль
 И рѣзвая задумается радость.

(Къ портрету Жуковского 1819).

1) Мнемозина 1824 г. ч. II: Письмо изъ Дрездена 21 окт./1 ноября, стр. 60—2.

2) Къ Жуковскому 1817 г., Жуковскому 1818 г.

Это цѣлый образъ и, вмѣстѣ, программа: вздохнетъ, задумается, безмолвная печаль, сладость; одна „слава“ какъ будто не на мѣстѣ. Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и натиска; есть—сентиментализмъ.
